

Маркиз де Сад

Эмилия де Турвиль, или жестокосердие братьев

Маркиз Сад

**Эмилия де Турвиль, или
жестокосердие братьев**

«Институт соитологии (ИС)»

Сад М. д.

Эмилия де Турвиль, или жестокосердие братьев / М. д. Сад —
«Институт соитологии (ИС)», — (Занимательные истории, новеллы и
фаблио)

ISBN 978-5-457-10899-8

«Нет для семьи ничего более священного, нежели честь членов ее. Но порой стоит этому сокровищу чуть потускнеть, как те, кто особо ратует за его сохранность, взваливают на себя унижительную роль преследователей незадачливого создания, их обидевшего. Сколь бы бесценным ни было достояние, должно ли защищать его такой ценой? Не разумнее было бы уравнивать по тяжести содеянного ужасы, которые защитники фамильной чести обрушивают на свою жертву, и тот ущерб, чаще всего надуманный, что, согласно их жалобам, якобы был им нанесен? Кто же наконец более виноват с точки зрения здравого смысла – слабая обманутая девушка или некто из ее родственников, кто, выдавая себя за семейного мстителя, становится палачом несчастной?..»

ISBN 978-5-457-10899-8

© Сад М. д.
© Институт соитологии (ИС)

Маркиз де Сад

Эмилия де Турвиль, или Жестокосердие братьев

Нет для семьи ничего более священного, нежели честь членов ее. Но порой стоит этому сокровищу чуть потускнеть, как те, кто особо ратует за его сохранность, взваливают на себя унижительную роль преследователей незадачливого создания, их обидевшего. Сколь бы бесценным ни было достояние, должно ли защищать его такой ценой? Не разумнее было бы уравнивать по тяжести содеянного ужасы, которые защитники фамильной чести обрушивают на свою жертву, и тот ущерб, чаще всего надуманный, что, согласно их жалобам, якобы был им нанесен? Кто же наконец более виноват с точки зрения здравого смысла – слабая обманутая девушка или некто из ее родственников, кто, выдавая себя за семейного мстителя, становится палачом несчастной?

Событие, которое мы намерены представить на суд читателя, возможно, разрешит этот вопрос.

Граф де Люксей, человек лет пятидесяти шести-пятидесяти семи, имевший звание генерал-лейтенанта, в конце ноября возвращался почтовой каретой из своего имения в Пикардии. Проезжая через Компьенский лес около шести часов вечера, он услышал женские крики. Казалось, они доносятся с одной из дорог, соседней с главной дорогой, по которой он проезжал. Он останавливается, приказывает слуге, сопровождавшему карету, выяснить, что происходит. Ему докладывают, что там просит о помощи девушка, лет шестнадцати-семнадцати, вся в крови, однако невозможно определить, что у нее за раны. Граф тут же выходит из кареты, спешит к пострадавшей; из-за надвигающейся темноты ему также трудно понять, откуда течет кровь. Благодаря объяснениям раненой он наконец понимает, что кровь эта из вен на руках, откуда обыкновенно делают кровопускание.

– Мадемуазель, – говорит граф после того, как ей была оказана посильная помощь, – я здесь не для того, чтобы расспрашивать о причинах ваших несчастий, да и вы не в том состоянии, чтобы их поведать: садитесь в мою карету, прошу вас, и пусть единственной вашей заботой будет необходимость успокоиться, а моей – поддержать вас.

С этими словами господин де Люксей вместе со слугой переносит бедную девушку в экипаж и снова трогается в дорогу.

Едва только удостоенная такого внимания особа почувствовала себя в безопасности, как она попыталась невнятно произнести слова благодарности. Но граф, умоляя ее не делать лишних усилий, сказал:

– Завтра, мадемуазель, завтра вы, надеюсь, изложите все, что с вами случилось, но не сегодня. Используя авторитет, на который дает мне право мой возраст и счастливая возможность оказаться вам полезным, настоятельно прошу вас думать лишь о своем покое.

Во избежание огласки граф по прибытии на место приказывает завернуть свою подопечную в мужской плащ и препроводить с помощью слуги в удобное помещение в угловой части дома, где он ее навестит, как только расцелует жену и сына, ожидавших его сегодня к ужину.

Придя проведать больную, граф привел с собой хирурга; юная особа была осмотрена: ее нашли в крайнем упадке сил; бледность ее лица, казалось, предвещала близкую кончину, хотя на теле девушки не было обнаружено ни одной раны. Свою слабость она объясняла тем, что ежедневно в течение трех месяцев теряла много крови. Она только собралась рассказать графу о необыкновенной причине этого, как впала в беспамятство; хирург заявил, что ее следует оставить в покое, и прописал ей обильную еду и укрепляющие лекарства.

Наша юная страдальца провела довольно благополучную ночь, однако еще шесть дней не в состоянии была сообщить своему благодетелю о себе. Вечером седьмого дня, когда никто в доме еще не знал, что она там спрятана, да и сама девушка, благодаря принятым мерам предосторожности, неясно представляла себе, где находится, она упростила графа выслушать ее и проявить снисхождение, какими бы ни оказались провинности, в которых она готова сознаться. Господин де Люксей придвинул кресло, уверив находившуюся под его покровительством особу, что судьба ее по-прежнему внушает ему живой интерес, и наша прекрасная путешественница начала рассказ о своих злоключениях.

История мадемуазель де Турвиль

– Сударь, я дочь президента де Турвиля, человека слишком известного и видного, чтобы имя его ни о чем вам не говорило. Вот уже два года, с тех пор как вышла из монастыря, я безвыездно жила в родительском доме. Я лишилась матери в очень раннем возрасте, и отец один взял на себя все заботы о моем воспитании. Могу с уверенностью сказать, что он не обошел меня ни единой милостью, ни единым удовольствием, обычно предоставляемым молодой девушке. Отцовская предупредительность, его открытое стремление выдать меня замуж самым благоприятным образом, насколько это возможно, как и большая привязанность ко мне, – все это вскоре пробудило ревность моих братьев, один из которых достиг двадцатилетнего возраста и уже третий год занимает пост президента, а другому, недавно назначенному советником, едва минуло двадцать четыре.

Я и вообразить себе не могла, насколько сильна их ненависть ко мне, в чем теперь уже имела случай убедиться. Ничего не сделав такого, чтобы вызвать к себе подобные чувства, я жила, теша себя иллюзией, что на мою простодушную симпатию они отвечают мне тем же. О Небо праведное, как я заблуждалась! Исключая время, отведенное моему образованию, в доме отца я всегда пользовалась полной свободой и никто не требовал от меня отчета в моих поступках. Он не стеснял меня ни в чем. Вот уже полтора года, как мне было разрешено по утрам совершать прогулки в обществе горничной либо по террасе Тюильри, либо по земляному валу недалеко от нашего дома и даже с ней вдвоем пешком или в карете отца наносить визиты моим подругам и родственницам, лишь бы только это происходило не в часы, когда молодой особе не надлежит без сопровождения родных показываться на людях. Причина всех моих несчастий и кроется в этой пагубной свободе, потому я и говорю вам о ней, сударь, и, видит Бог, лучше бы мне никогда ее не иметь.

Год назад, прогуливаясь, как всегда, с горничной – ее зовут Жюли – по темной аллее сада Тюильри, где, как мне казалось, чувствуешь себя более уединенно, нежели на террасе, и где, по моему убеждению, воздух более свеж, мы столкнулись с шестью легкомысленными молодыми людьми. По их оскорбительному обращению к нам было ясно, что они принимают нас обеих за тех, кого называют уличными девицами. Ужасно растерявшись от этого происшествия и не зная, как ускользнуть от них, я уже собралась было искать спасения в бегстве, когда заметила поодаль юношу, который часто прогуливался один примерно в те же часы, что и я, и чья наружность свидетельствовала о его порядочности. Он как раз проходил мимо, когда я очутилась в столь затруднительном положении.

«Сударь! – воскликнула я, подзывая его к себе. – Не имею чести быть с вами знакомой, но мы здесь встречаемся почти каждое утро. То, что вы могли наблюдать, должно было убедить вас, льщу себя надеждой, что я не из тех девушек, кто ищет приключений. Умоляю вас подать мне руку и отвести меня домой, избавив от приставаний этих бандитов».

Господин де *** (позвольте мне не называть его имени: чересчур многие причины меня к тому побуждают) тотчас же подбегает, отстраняет молодых повес, окруживших меня, под-

тверждая их ошибку вежливым и уважительным обхождением со мной, и, предложив мне руку, быстро выводит из сада.

«Мадемуазель, – говорит он, остановившись неподалеку от наших ворот, – считаю более благоразумным расстаться с вами здесь. Если я проведу вас до самого дома, то придется все объяснять вашим близким. Вам, возможно, запретят прогуливаться одной. Лучше скройте то, что случилось, и продолжайте приходить, как прежде, на ту же самую аллею, раз это вам нравится и родители ваши не против. Я же не пропущу ни единого дня и всегда буду там присутствовать, готовый, если потребуется, не пожалеть жизни, лишь бы противостоять всему, что может потревожить ваше спокойствие».

Подобная осмотрительность и столь любезное предложение заставили меня приглядеться к молодому человеку повнимательнее. Найдя, что он на два-три года старше меня и наделен очаровательной внешностью, я покраснела, когда выражала ему признательность, и пламенные взоры этого соблазнительного божества, составляющего ныне несчастье дней моих, проникли мне в самое сердце еще прежде, чем я успела им воспротивиться. Мы разошлись, однако я подумала, что, судя по тому, как господин де*** вел себя во время нашего расставания, я произвела на него не меньшее впечатление. Я возвращаюсь к отцу, остерегаюсь что-либо рассказывать ему и прихожу на следующий день на ту же аллею, ведомая чувством, с которым не в силах совладать, способная пренебречь всеми подстерегающими меня там опасностями... да что я говорю, скорее даже желая их, лишь бы испытать удовольствие быть освобожденной тем же человеком... Я описываю вам движения моей души, сударь, быть может, с излишней наивностью, но вы пообещали проявить снисходительность, а каждый новый штрих в моем рассказе покажет, насколько я в ней нуждаюсь. Это не единственная допущенная мной неосторожность, и это не единственный раз, когда мне понадобится ваше участие.

Господин де*** появился на аллее через шесть минут после меня и, увидев, что я уже здесь, сразу подошел ко мне.

«Смею ли я спросить вас, мадемуазель, – говорит он, – не наделало ли вчерашнее приключение шума, не испытали ли вы из-за него каких-то неудобств?»

Я уверяю, что нет, обещаю воспользоваться его советами, благодарю его и выражаю надежду, что более ничто не нарушит моего удовольствия дышать свежим воздухом по утрам.

«Если вы и находите в этом некоторую приятность, мадемуазель, – продолжает господин де *** самым доверительным тоном, – то те, кто имеет счастье вас здесь встретить, испытывают ее, несомненно, гораздо сильнее, и если я взял на себя смелость вчера рекомендовать вам не рисковать тем, что могло бы помешать вашим прогулкам, то, по правде сказать, вам не за что меня благодарить: осмелюсь даже уверить вас, мадемуазель, я куда более старался для себя, нежели для вас».

Взгляды, обращенные на меня, были так выразительны... О сударь, кто бы мог подумать, что столь милому человеку я обязана буду однажды моими мучениями! Не таясь, я отвечаю на его излияния; завязалась беседа, мы сделали вместе два круга, и господин де *** , расставаясь, упросил меня сообщить, кому он имел счастье оказать услугу накануне. Я не сочла нужным скрывать свое имя; он тоже назвал себя, и мы простились. В течение месяца мы не прекращали видеться почти каждый день. Нетрудно представить, что за этот месяц мы не могли не признаться друг другу в наших чувствах и не поклясться, что будем испытывать их вечно. Наконец господин де *** стал умолять позволить ему встретиться со мной в менее оживленном, людном месте, нежели общественный сад.

«Я не отваживаюсь предстать перед вашим отцом, прекрасная Эмилия, – говорил он мне, – не имея чести быть с ним знакомым, ибо тотчас вызову у него подозрения насчет мотивов, кои привели меня в его дом, и, вместо содействия нашим планам, поступок этот

может лишь сильно им повредить. Однако, если вы действительно настолько милосердны и добры, что не позволите мне умереть от печали, так никогда и не получив от вас в дар того, о чем я осмеливаюсь просить, — я укажу вам, какие средства необходимо для этого применить».

Сначала я отказывалась обсуждать им сказанное, но вскоре проявила слабость и попросила уточнить, о чем идет речь. Средства эти, сударь, состояли в том, чтобы три раза в неделю встречаться на квартире у некой госпожи Берсей, модистки с улицы Арси, за благоразумие и порядочность которой господин де *** ручался, словно за собственную мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.